

U $\frac{105}{370}$

ГРЮНВАЛЬДЕНСКАЯ БИТВА

1410 ГОДА

РѢЧЬ

М. О. КОЯЛОВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

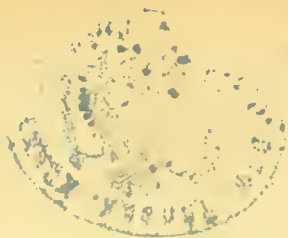
1885

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 28 февраля 1885 г.

2007042233

ГРЮНВАЛЬДЕНСКАЯ БИТВА 1410 г. *)

Преосвященнѣйшіе архипастыри!

Милостивые государи и государыни!

Чѣмъ ближе къ намъ великій славянскій день, 6-е апрѣля, тѣмъ естественнѣе и намъ переноситься мыслями къ старымъ славянскимъ временамъ, и, имѣя въ виду великую объединительную силу подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на тѣхъ моментахъ нашей славянской исторіи, когда разные славянскіе племенные ручьи сливались въ единое русло и затѣмъ разбѣгались опять въ разныя стороны и почему разбѣгались. На одномъ изъ такихъ моментовъ, когда славянскія силы объединились и сейчасъ же разъединились, я и останавливаю ваше, мм. гг., вниманіе.

Прошу перепестись почти за четыреста семьдесятъ пять лѣтъ отъ настоящаго времени,—къ 1410 году къ половинѣ іюля, когда у Грюнвальда и Танненберга или,

*) Рѣчь, сказанная въ торжественномъ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества 14 февраля 1885 г.

какъ обозначаютъ мѣстности ваши русскія лѣтописи, „межи грады Дубровны и Острода“, происходила знаменитая битва соединенныхъ силъ Литовскаго княжества и Польскаго королевства съ Пруссимъ рыцарскимъ орденомъ. Это выйдетъ на правой сторонѣ нижней Вислы на югъ отъ Мариенбурга, въ нынѣшней восточной Пруссіи.

Въ польскихъ книгахъ, во многихъ нѣмецкихъ, насколько ихъ знаю, и даже въ нѣкоторыхъ русскихъ побѣдная слава въ этой битвѣ приписывается полякамъ. Въ такомъ видѣ эта побѣда воспроизведена и на извѣстной картинѣ художника Матейки.

Я представлю вашему вниманію, мм. гг., картину значительно иного рода. На этой картинѣ, если съумѣю ясно нарисовать ее передъ вами, вы, можетъ быть, увидите сверху отраженіе нравственной силы нашей славной Куликовской битвы. Затѣмъ вы увидите великій сборъ военныхъ силъ Литовскаго княжества, Польскаго королевства и силъ другихъ странъ, даже не славянскихъ. Въ подробностяхъ битвы передъ вами, безъ сомнѣнія, обрисуется выдающаяся доблесть русскихъ полковъ Смоленской области, до сихъ поръ мало признанная. Еще ниже вы увидите темныя краски, обозначающія величайшее славянское неразуміе. Затѣмъ еще ниже увидите еще болѣе темныя краски возмутительнаго оскорбленія и униженія, какимъ вскорѣ подвергнуты были русскія силы западной Россіи.

Эти послѣднія краски, а можетъ быть и вся картина, будутъ яснѣе, когда вы увидите рѣзущій глаза блескъ и свѣтъ вѣроисповѣднаго вопроса, ударившіе въ эти темныя краски. На этомъ вѣроисповѣдномъ вопросѣ я

остановлю нѣсколько ваше вниманіе, сдѣлаю сближеніе съ современнымъ настроеніемъ умовъ въ славянскомъ мірѣ и выскажу нѣкоторыя пожеланія непритязательнаго свойства.

Такова моя программа. Прошу вашего снисходительнаго вниманія къ посильному выполненію ея.

Наша Куликовская битва имѣла великое значеніе не въ одной восточной Россіи. Кромѣ восточной Россіи и татарскаго міра нравственное ея вліяніе простиралось далеко на западъ, въ тогдашнее Литовское княжество, и отразилось даже на Грюнвальденской битвѣ, которая походила на Куликовскую даже внѣшнимъ своимъ ходомъ.

Знаменитымъ побѣдителямъ Мамай на Куликовомъ полѣ не пришлось пожинать сейчасъ же закопнѣвшихъ плодовъ ихъ великаго подвига,—сознанія и признанія, что за этимъ подвигомъ послѣдуютъ благотворнѣйшія для ихъ родины послѣдствія его,—сверженіе татарскаго ига. Ихъ, конечно, встрѣчали при возвращеніи на родину побѣдные клики; замѣчали они, безъ сомнѣнія, въ своихъ согражданахъ новый подъемъ народнаго духа; но все это на значительное время заглушалъ плачъ русской земли о множествѣ погибшихъ на Куликовомъ полѣ, а затѣмъ на Россію опять налегло хотя разбитое, но снова слаженное татарское иго со всеми ужасами азіатскаго ига,—убійствами, плѣненіемъ, разореніемъ. Въ сохранившихся сказаніяхъ о Куликовской побѣдѣ, даже позднѣйшихъ, и пѣтъ сознанія, что эта побѣда разрушила татарское иго.

Но въ отдаленной отъ Москвы и Куликова поля русской странѣ,—въ бѣлорусскихъ лѣсахъ и болотахъ ка-

кой-то книжникъ усмотрѣлъ въ Куликовской побѣдѣ зарю освобожденія Россіи отъ татарскаго ига, и не только усмотрѣлъ эту зарю, но и прослѣдилъ ее отъ самаго возникновенія ея на русскомъ горизонтѣ. Мало того: онъ даже увидѣлъ и ощутилъ животворные лучи взшедшаго уже солнца старой русской свободы. Передѣлывая одно изъ сказаній о Куликовской битвѣ, онъ внесъ въ него свое разсужденіе, что московскіе и тверскіе князья, особенно Симеонъ Іоанновичъ и Димитрій Іоанновичъ (Донской) сбросили съ русскихъ вый татарское иго и возстали старую свободу своей государственности.

Можно думать, что такъ смотрѣлъ на Куликовскую битву не одинъ этотъ книжникъ, а и многіе его соотечественники. Есть основаніе думать, что ревность къ славѣ Куликовской побѣды запала въ великую душу знаменитаго тогдашняго литовскаго князя Витовта. Несомнѣнно, что онъ долго и сильно былъ занятъ мыслию не только поразить татаръ и свергнуть всякое иго ихъ надъ русскими, но и покорить татаръ своей власти. Съ этою мыслию онъ въ 1399 г. собралъ громадныя военныя силы, двинулъ и тогдашнее новое оружіе,—артиллерію, и пошелъ подобно Донскому къ самымъ владѣніямъ татаръ; но на берегахъ рѣки Ворсклы потерпѣлъ страшное пораженіе, — потерпѣлъ пораженіе, понеже отвержеся православныя вѣры, замѣтилъ другой бѣлорусскій книжникъ, лѣтописецъ Авраамко, какъ бы поясняя мысль прежняго книжника тѣмъ, что дѣйствительное сверженіе татарскаго ига возможно только русскими православными силами.

Но вскорѣ пришлось русскимъ западной Россіи, по видимому, забыть этотъ высшій принципъ ихъ жизни,

стать на другую точку зрѣнія и собирать свои силы и соединяться съ поляками во имя другихъ началъ для дѣла тоже великаго.

На отдаленной западной славянской окраинѣ, у той-же нижней Вислы, незадолго до того времени, какъ въ битвѣ русскихъ съ татарами на Калкѣ сказалось предвѣстіе татарскаго ига, неразумными польскими руками мазовецкихъ князей заложено нѣмецкое гнѣздо, получившее названіе Прусскаго рыцарскаго ордена. Гнѣздо это устроилось, наполнилось птенцами, къ которымъ стали прилетать новые птенцы изъ разныхъ странъ Европы, но преимуществу изъ нѣмецкихъ странъ, и всѣ они сейчасъ же дали знать себя всему, что окружало ихъ. Кровію обливалась несчастная языческая Литва и превращалась въ пустыню. Не разъ даже бросали ее на произволъ судьбы сами литовскіе князья и уступали рыцарямъ, а когда не уступали или возвращали назадъ, то проливалась кровь и историческихъ сосѣдей Литвы — бѣлоруссовъ и вообще западноруссовъ. Изнывали отъ сосѣдства прусскихъ рыцарей и славянскія племена Поморской страны, сдавленные нѣмецкою силою съ двухъ сторонъ, — Прусскимъ орденомъ и Бранденбургіей. Изнывали отъ той же причины и славяне Силезіи. Доставалось не разъ отъ рыцарей и Польшѣ. Прусскіе рыцари посягнули даже на достояніе своихъ историческихъ благодѣтелей, — мазовецкихъ князей, и отняли у нихъ область Добринскую или по-польски Добржинскую. Изъ за этой-то области, да изъ за Жмуди и подготовилась война, завершившаяся Грюнвальденской битвой.

Война эта оказывалась очень трудною даже для соединенныхъ силъ Литвы и Польши. Рыцари имѣли на своей

сторонѣ много союзниковъ даже въ славянскихъ странахъ. Они уже успѣли произвести страшное разложеніе въ славянской средѣ. Они имѣли друзей и даже набирали полки и въ Поморской странѣ, и въ Силезіи. Ихъ сторону явно держалъ чешскій король Вячеславъ, избранный третейскимъ судьей для рѣшенія распри между Литовско-польскимъ государствомъ и Прусскимъ орденомъ изъ-за Добринской земли и Жмуди и рѣшившій это дѣло самымъ пристрастнымъ образомъ. На ихъ сторонѣ былъ и венгерскій король Сигизмундъ—родственникъ тогдашняго польскаго короля Ягайлы, даже нашептывавшій коварные планы Витовту. И чешскій и венгерскій короли не скрывали, что, въ случаѣ войны, они будутъ поддерживать прусскихъ рыцарей. Съ другой стороны, собирали свои силы и готовились идти на помощь историческіе союзники прусскихъ рыцарей—ливонскіе рыцари. Внимательно присматривалась къ готовящейся войнѣ и восточная Россія, какъ видно изъ русскихъ лѣтописей. Можно сказать, что вся Европа внимательно смотрѣла на эту готовившуюся борьбу славянъ съ нѣмцами, получая жалобы на неправды отъ обѣихъ сторонъ, и не только присматривалась, но и высылала на защиту ордена своихъ борцовъ. Благодаря этому, прусскіе рыцари могли собрать и выставить слишкомъ восемьдесятъ тысячъ войска.

Въ Литвѣ и въ Польшѣ хорошо понимали историческую важность этого момента. Забывались разные племенные и областные счеты этихъ недавно и непрочно соединенныхъ государствъ, и все бодро выходило на борьбу съ общимъ врагомъ. Бодро пошли литовскіе полки; пошли бѣлорусскіе полки и въ числѣ ихъ полки Смолен-

ской области, подъ начальствомъ доблестнаго Юрія Лугвеніевича, тогдашняго князя метиславскаго. Пошли многіе отряды малороссійскіе изъ Волинской, Кіевской и Подольской областей. Быстро и шумно собирали свои силы и поляки. Пошли на соединеніе съ этими силами многіе отряды изъ Чехіи, то наемныя дружины искателей приключеній, готовыхъ воевать и защищать всякаго, то ратоборцы за дѣло славянства — будущіе гуситы.

Къ соединеннымъ силамъ литовскимъ, русскимъ, польскимъ, чешскимъ привлечены были и войска татарскія, литовскіе, татарскіе колонисты и чисто татарское, сарайское войско, слишкомъ тридцать тысячъ. Всего войска на сторонѣ Литвы и Польши было слишкомъ полтора тысяча.

Это громадное войско и подошло къ 15-му іюля къ сказаннымъ мѣстамъ — къ Грюнвальду и Танненбергу.

Грюнвальденская битва ясна и для неспеціалиста, и я изложу ея ходъ въ самомъ краткомъ видѣ не для военныхъ цѣлей и, тѣмъ менѣе, для цѣлей воинственныхъ.

Если смотрѣть со стороны моихъ достоуважаемыхъ слушателей, то литовско-польскія войска расположились почти на прямой линіи, съ небольшими загибами впередъ, подъ тупымъ угломъ. На правой сторонѣ (со стороны слушателей) были литовско-русскія войска, на лѣвой — польскія. Сзади этихъ войскъ были резервы и обозы. За поляками стояло ордынское татарское войско.

Впереди литовско-польскихъ войскъ стало прусское рыцарское войско, за которымъ находились опорные его пункты — слѣва Грюнвальдъ, справа Танненбергъ,

отъ которыхъ шли дороги къ центру литовско-польскаго войска. Нѣмцамъ необходимо было гдѣ-либо прорвать это войско, потому что обойти его съ какой-либо стороны было едвали возможно. Оно занимало слишкомъ большое пространство и, притомъ, оба крыла его упирались въ болота, рѣчки, озера.

Передъ началомъ битвы въ литовско-русской и польской частяхъ соединеннаго славянскаго войска обнаружались рѣзко противоположныя особенности. Витовтъ и его литовско-русское войско скоро устроились и сгорали нетерпѣніемъ сразиться. Ягайло медлилъ и польское войско плохо устраивалось. Ягайло горячо отдавался дѣламъ благочестія. Извѣстно, что и нашъ Димитрій Донской отдавался, передъ походомъ на Донъ, великому благочестію. Но у Ягайлы вышло нѣчто иное, утрированное. Еще до прихода на поле битвы все войско (т. е. христіанская его часть) и его вожди исполнили христіанскія обязанности, исповѣдались и приобщились. Ягайло счелъ нужнымъ еще исповѣдаться и приобщиться и потому отстоялъ обѣдню, но затѣмъ опять сталъ слушать вторую обѣдню, а непріятель уже подходилъ, былъ на виду. Витовтъ нонукалъ Ягайлу выѣзжать къ войску, начинать битву и насилу убѣдилъ его сѣсть на лошадь, но и на лошади Ягайло сталъ еще исповѣдываться. Подозрѣвали, впрочемъ, что онъ переговаривался съ духовникомъ на счетъ мирныхъ предложеній, которыхъ ожидалъ отъ рыцарей. Время, между тѣмъ, подходило къ полудню и непріятель стоялъ, готовый къ битвѣ, даже прислалъ Ягайлѣ и Витовту обидный вызовъ на битву. Витовтъ съ своимъ войскомъ такъ и началъ битву, не дождавшись общаго сигнала.

Понятно, что нѣмцы направили всю свою энергію, прежде всего, на это смѣлое литовско-русское войско. Они смяли первый его рядъ, затѣмъ они же и остатки самихъ смятыхъ надавили на второй рядъ, второй на третій, и большая часть праваго литовско-русскаго крыла ударилась въ бѣгство.

Предстояла опасность, что обнаружится правый бокъ польскаго войска; предстояла опасность, что обнаружится передъ нѣмцами даже часть тыла польскаго войска, потому что нѣмцы шли наискось и пробирались уже къ обозамъ; стала колебаться и подаваться назадъ и польская часть войска. Битва склонялась явно въ пользу нѣмцевъ. Литовскіе бѣглецы уже принесли въ Литву извѣстіе о совершенномъ пораженіи отъ нѣмцевъ. Въ побѣдѣ своей убѣждены были и нѣмцы и уже пѣли: Христосъ воскресе.

Но въ этотъ критическій моментъ спасли славянское дѣло и дали ему совсѣмъ иное направленіе доблестныя смоленскіе полки. Они какъ скала стояли противъ нѣмцевъ и выдерживали всѣ ихъ натиски. Легъ костымъ первый отрядъ, но устояли второй и третій, и это было тѣмъ важнѣе, что смоленскіе полки занимали мѣсто у центра войска, подлѣ поляковъ и почти противъ соединенія дорогъ изъ Грюнвальда и Таппенберга, по которымъ двигались съ особенною силою нѣмцы. Смоленяне защитили собою бокъ польскаго войска, дали ему время собраться опять съ силами и даже стали бить въ бокъ нѣмцамъ, уносившимся за литовскими бѣглецами.

Витовтъ, изнемогавшій въ усиліяхъ остановить, собрать и устроить бѣглецовъ, имѣлъ, однако, достаточно

присутствія духа, чтобы понять величіе момента и доблести смолянъ. Онъ послалъ имъ подкрѣпленіе, сталъ понукать Ягайлу, бывшаго сзади войска, выѣхать въ переднюю часть польскаго войска, чтобы одушевить его; самъ, между тѣмъ, сталъ командовать и своимъ оставшимся войскомъ и польскимъ.

Въ это время, неизвѣстно по чьей мысли, можетъ быть, самого Витовта, отдѣлился одинъ отрядъ польскаго войска, пошелъ въ обходъ къ Грюнвальду и ударилъ въ бокъ подвинувшимся впередъ нѣмцамъ. Этотъ обходъ, возможный, какъ всякому очевидно, только при стойкости центра, т. е. при доблести смолянъ, далъ значительно иной оборотъ битвѣ, которую польскіе писатели и называли отъ этого Грюнвальденскою. За этимъ обходнымъ отрядомъ уже, безъ сомнѣнія, по указанію Витовта, понеслось къ Грюнвальду татарское войско и показало обычную свою способность побивать непріятеля сбоку и сзади. Одинъ повѣйшій нѣмецкій историкъ Польши, Каро, татарамъ и приписываетъ побѣду Грюнвальденскую, что, какъ видимъ, не можетъ быть принято, да и не одни татары понесли за обходнымъ, польскимъ отрядомъ. Понесли и малороссійскіе конные отряды, казаки и забрались не только къ Грюнвальду, но и къ Таппенбергу и даже оттуда били нѣмцевъ.

Послѣ этого уже ясенъ былъ исходъ битвы. Правда, было еще много дѣла и дѣла уже больше всего для польскаго войска. Было тутъ еще не мало и важныхъ стычекъ. Даже жизнь Ягайлы была въ опасности, такъ какъ онъ оказался было слишкомъ впереди, причемъ обнаружилъ такую трусость, что звалъ для охраны себя

отрядъ изъ самаго боя. Палъ храброю смертію и магистръ прусскаго ордена, Ульрихъ фонъ-Юнгингеръ.

Все это были конечно, весьма важныя дѣла, въ которыхъ поляки много поработали, и понятно, почему польскіе писатели и Матейко остановили на нихъ главное свое вниманіе. Но всякому очевидно, что это были дѣла второстепенныя, третъестепенныя и такъ далѣе, а главное и первое дѣло, основа всего усиѣха была въ доблести смольнянъ и въ Витовтѣ, который въ этой битвѣ проявилъ едва ли не въ высшей степени свой военный талантъ. Благодаря прежде всего этой доблести смольнянъ и этому таланту Витовта, и разбиты были нѣмцы на голову. Однихъ ихъ убитыхъ считали до сорока тысячъ; въ плѣнъ взяли до пятнадцати тысячъ; Прусскій орденъ могъ быть совершенно уничтоженъ.

Такъ кончилась славная Грювальденская битва. Но тутъ и конецъ ея славы. Затѣмъ слѣдовало невѣроятное неразуміе. Ягайло обнаружилъ обычную свою медлительность и пристрастіе къ церемоніямъ, на этотъ разъ не только религіознымъ, но и побѣднымъ, и пропустилъ драгоцѣнное время для уничтоженія Прусскаго ордена. Только черезъ нѣсколько дней онъ двинулся съ войсками дальше, но дальше пришлось засѣсть у Маріенбурга, пришлось терпѣть и пораженія, а въ слѣдующемъ 1411 г. пришлось заключить миръ, по которому не только былъ признанъ Прусскій орденъ, но и получилъ назадъ всѣ свои земли; даже участь Жмуди не была рѣшена окончательно. Только уже почти черезъ полстолѣтія, послѣ новыхъ войнъ, Прусскій орденъ поставленъ былъ въ ленныя отношенія къ Польшѣ, т. е. нѣмецкое гнѣздо отдано подъ надзоръ самымъ неразум-

нымъ славянамъ, и всѣмъ извѣстно, какъ потомъ выросло это гнѣздо и какъ опять стало чувствительно славянамъ.

Но, что еще печальнѣе, сейчасъ же послѣ Грюнвальдской побѣды возникло странное раздуміе,—пужно ли добивать Прусскій орденъ; лучше ли будетъ, когда не станетъ ордена, а могущество Польши выростетъ до небывалой степени. Это раздуміе запало въ душу Витовта, который подъ разными предлогами и увелъ въ Литву свои войска изъ-подъ Маріенбурга, а вскорѣ затѣмъ раздуміе это овладѣло и умами всей западной Россіи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1413 году, побѣдители подъ Грюнвальденомъ,—представители Литвы и Польши собрались на общій сеймъ въ Городлѣ. На этомъ Городельскомъ сеймѣ скрѣплено новыми узами непрочное соединеніе Литвы съ Польшей, т. е. Литва поступилась новою долею своей независимости. Она тогда даже согласилась не имѣть особаго князя въ случаѣ смерти Витовта раньше Ягайлы. Представители Литвы и Польши тоже сближались, братались. Поляки приобщали литовскихъ представителей къ своимъ панскимъ привилегіямъ и даже раздавали имъ свои гербы. Но польскіе гербы и панскія привилегіи раздавались только тѣмъ изъ литовскихъ представителей, которые припали латинскую вѣру. А что же громадное большинство православныхъ русскихъ Литовскаго княжества? Они, въ томъ числѣ и доблестные смольняне, повергаемы были болѣе и болѣе въ безправное положеніе; съ ними вскорѣ заговорили и о церковной особности отъ восточной Россіи и о церковной уніи съ латинянами.

Такимъ образомъ вѣроисповѣдный вопросъ, повидимому, совсѣмъ закрытъ славянскою борьбою съ нѣмцами, предсталъ вдругъ во всей силѣ, сталъ могущественнѣе и узъ гражданскаго общежитія и даже узъ военнаго, побѣднаго братства соединенныхъ народовъ и опять раздѣлилъ ихъ.

И это была не случайная, не кратковременная складка вѣроисповѣднаго вопроса. Извѣстно, какъ твердо и тяжело она легла на дальнѣйшія историческія судьбы западной Россіи и самой Польши. Я не буду объ этомъ распространяться. Укажу лишь на три факта, однородныхъ съ группальденскимъ объединеніемъ Литвы и Польши. Въ началѣ XVI вѣка знаменитый литовскій гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, вѣрнѣйшій слуга литовско-польскаго государства, доказавшій эту вѣрность и тѣмъ, что не хотѣлъ оставаться въ восточной Россіи, куда попалъ въ плѣнъ, и даже тѣмъ, что потомъ побилъ восточно-русское войско, съ великимъ трудомъ былъ допущенъ въ соединенный литовско-польскій сенатъ потому только, что былъ православный. Черезъ столѣтіе, въ 1621 г. въ Хотинской битвѣ большая доля побѣды поляковъ надъ турками принадлежитъ казакамъ, бывшимъ подъ начальствомъ знаменитаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, и однако сейчасъ же послѣ этой побѣды православные жители Литовско-польскаго государства объявлялись измѣнниками отечества и подвергались жестокому преслѣдованію за свою православную вѣру. Черезъ полстолѣтіе съ небольшимъ затѣмъ въ извѣстной Вѣнской побѣдѣ Собѣскаго надъ турками не мало тоже поработали казаки, но неизвѣстно, знали ли они, что передъ этой войною закидыва-

лась, но неудачно, хитрая съѣть на западную Малоросію, чтобы притянуть ее посредствомъ уній къ Польшѣ; а когда возвратились назадъ Вѣнскіе побѣдители изъ русскихъ, то уже несомнѣнно и ясно увидѣли, что и вѣра ихъ вѣровъ преслѣдуется, и заботливо уничтожается самое казачество.

Очевидно, сила вѣроисповѣднаго вопроса крѣпко держалась и сильно чувствовалась; но этимъ - то путемъ исторія дѣлала свое дѣло. Она склонила рѣшеніе этого вопроса на сторону правды, — возстановила въ концѣ концовъ въ западной Россіи и старую православную вѣру, и старое законное преобладающее значеніе русскаго племени.

Не тоже ли и теперь? Не такъ-же ли велика и теперь сила вѣроисповѣднаго вопроса, и не вырабатываетъ ли исторія и теперь данныя для его, рѣшенія?

Гуманисты призываютъ во имя благороднѣйшихъ, не чуждыхъ и христіанству благъ цивилизаціи оставить въ сторонѣ вѣроисповѣдный вопросъ; реалисты призываютъ къ тому же во имя практическихъ благъ цивилизаціи или просто по пренебреженію къ вопросамъ вѣры, а вѣроисповѣдный вопросъ предстоить во всей силѣ и владѣть сердцами славянъ. И неудивительно. Онъ держится не только внутреннею силою христіанства, но и величіемъ міроваго подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ.

На Западѣ давно это поняли. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ наша самымъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ воздалъ честь нашимъ славянскимъ апостоламъ, — пріобщилъ ихъ къ лику святыхъ всей латинской церкви и ясно указалъ всему этому тотъ смыслъ, что церков-

ная унія, какъ она теперь существуетъ, есть лучшее разумѣніе подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ. Затѣмъ, тотъ же папа въ союзѣ съ мрачнымъ полчищемъ іезуитовъ болѣе и болѣе закидываетъ на славянъ сѣть латинства и самое Велеградское торжество старается обратить въ средство, чтобы сильнѣе притянуть къ Риму славянъ и даже насъ потянуть или хотя посрамить.

А что-же мы, славяне православнаго, греко-славянскаго обряда? есть у насъ или нѣтъ, — есть ли такое слово, которое мы могли бы сказать другимъ славянамъ, которое откликнулось бы въ ихъ сердцахъ и направило бы ихъ въ иную сторону? Есть у насъ такое слово или нѣтъ? Безъ сомнѣнія есть. Безъ сомнѣнія, оно уже на устахъ многомилліоннаго множества православныхъ славянъ, многими уже сказывается, да и сейчасъ (въ отчетѣ Славянскаго Общества), его можно было слышать, а только оно еще не объявилось во всеобщемъ нашемъ сознаніи. Поэтому и я, не по какому либо сомнѣнію, а просто потому, что и я—одинъ, отъ этого множества православныхъ славянъ, могу думать, что и въ томъ, что сейчасъ скажу, будетъ хотя слабѣйшее отраженіе этого великаго слова православныхъ славянъ.

Мы, славяне православнаго вѣроисповѣданія, особенно мы русскіе, безспорно законнѣйшіе и богатѣйшіе наследники сокровища, оставленнаго нашими славянскими апостолами. Мы славяне, православные, особенно мы русскіе, сберегли и приумножили его въ нашихъ храмахъ. Мы, русскіе, приумножили его въ нашей государственности, безспорно славянской, не смотря на давнія старанія, можно сказать, всей Европы сдѣлать ее не сла-

вяпскою. Мы приумножили его въ нашей наукѣ, литературѣ, бесспорно славянскихъ при всѣхъ ихъ уклоненіяхъ, а нашъ русскій языкъ бесспорно есть вѣрнѣйшій и богатѣйшій сынъ церковно-славянской грамоты св. Кирилла и Меѳодія.

Намъ, славянамъ православнымъ, особенно намъ русскимъ, по всѣмъ правамъ принадлежитъ, не будемъ говорить первенство чести въ предстоящемъ славянскомъ торжествѣ, а первенство обязанностей, — обязанности сознать во всей полнотѣ величіе подвига нашихъ славянскихъ апостоловъ и достойнѣйшимъ образомъ почтить его 6 апрѣля.

Если будетъ у насъ эта полнота сознанія и торжества, то она сама собою, никого не насилуя и не оскорбляя, потянетъ къ намъ другихъ славянъ.

Къ намъ пойдутъ прежде всего разные уніаты греко-славянскаго обряда. Да, они уже и идутъ къ намъ. Извѣстно, какъ твердо до сихъ поръ стоитъ въ средѣ галицкихъ русскихъ уніатовъ рѣшеніе праздновать тысячелѣтіе смерти св. Меѳодія не по новому календарю, съ латинянами, а по старому, вмѣстѣ съ нами. А кто знаетъ, можетъ быть они пойдутъ и дальше. Начало вѣдъ положено въ Гниличкахъ, — начало неудавшееся, но оно закрѣплено страданіями, даже узами.

Извѣстно далѣе, что въ средѣ западныхъ славянъ латинскаго закона живетъ преданіе о славянской у нихъ литургіи и есть желаніе возстановить ее. Желаніе это можетъ повести и къ осуществленію его, и какъ мы радовались бы, еслибы, на примѣръ, извѣстный двигатель оживленія югозападнаго славянства, епископъ Штросмайеръ, полагающій не мало трудовъ и для предстоящаго Велеград-

скаго торжества, совершилъ 6 апрѣля въ Велеградѣ славянскую литургію латинскаго обряда, хотя бы въ формахъ глаголицы и, для достойнѣйшаго прославленія св. Кирилла и Меѳодія, прочиталъ бы на церковно-славянскомъ языкѣ евангеліе по Остромирову ли списку или по какому либо другому изъ старѣйшихъ, а чехи-хозяева Велеградскаго торжества вспомнили бы завѣты своего учителя и мученика Гусса и святую чашу на литургіи, отнятую у мірянъ папами. Какъ желательно было бы, чтобы и столь-же хлопотливые устроители Велеградскаго торжества, поляки, положили въ этнографическиххъ предѣлахъ своего племени основаніе народной польской церкви, польской отъ начала до конца ихъ литургіи и вообще богослуженія. Какъ мы, русскіе, радовались бы этому и какъ братски протянули бы имъ наши руки! Такое славянское оживленіе польскаго племени гораздо лучше было бы заботъ распространять польскій языкъ на востокъ отъ Польши, среди русскихъ западной Россіи, двигать постепенно твореніе, созиданіе полонизма по мѣрѣ распространенія поляковъ на востокъ, что уже тѣмъ однимъ не выгодно, что соединяется съ потерями польскаго племени въ чисто польскихъ странахъ. Наконецъ, мы, безъ сомнѣнія, тоже радостно встрѣтили бы, если бы русскіе латинскаго закона въ западной Россіи, устроили въ своихъ костелахъ русское богослуженіе и, не задаваясь излишнимъ трудомъ, брали себѣ и наши церковно-славянскія молитвы и пѣнопѣнія, общія у насъ съ латинскою церковью.

Вообще, чѣмъ больше юго-западныя славяне возвратятся къ своему славянству, тѣмъ вѣрнѣе и ближе къ намъ они пойдутъ и къ признанію великаго подвига

св. Кирилла и Меѳодія, и къ достойному прославленію его.

Все это, конечно, *ria desideria*, и человѣческому уму не дано предвидѣть, когда это сбудется и въ какой мѣрѣ сбудется. Но развѣ не позволительно сказать и теперь, при всемъ нашемъ современномъ всевѣдѣніи—газетномъ и телеграфномъ: кто знаетъ, что теперь зрѣтъ въ славянскихъ сердцахъ? А еще съ большею вѣроятностію можно предполагать, что въ славянствѣ немного есть такихъ черствыхъ сердецъ, чтобы въ нихъ не отразилась хотя малѣйшая доля этихъ *ria desideria*. Во всякомъ случаѣ я признаю несомнѣннымъ, что въ средѣ нашего Славянскаго Общества и въ средѣ лицъ, намъ сочувствующихъ, эти *ria desideria* суть наши упованія и не только благія, но и прочныя. Въ нихъ одна изъ лучшихъ основъ нашего нравственнаго единенія съ славянами и нашей любви къ нимъ.

2007042233